

ЛЕОНИД СОБОЛЕВ

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

ОДЕССА. СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ 1941 г.

Предисловие и публикация Вс. Сурганова

Леонид Соболев занимает свое место в строю писателей-фронтовиков с первых же дней войны. С 26 июня по 26 июля 1941 г. он находится в Таллине и присылает оттуда в «Правду» статьи и фронтовые корреспонденции, исполненные неизменной уверенности в победе над врагом. Затем его переводят в Ленинград, где штабом Северо-Западного фронта была сформирована в те дни своеобразная «писательская бригада», в которую, помимо Л. Соболева, были введены Н. Тихонов, Евг. Федоров, А. Прокофьев, В. Саянов, И. Луковский.

Однако собственно писательская деятельность отошла в эту пору у Соболева на второй план. Время и условия не позволяли сосредоточиться и требовались, видимо, еще какие-то сроки, чтобы он мог найти, нащупать свою тему, свой путь достойного художественного воплощения грозной и героической современности. Писатель сумел сделать это лишь в сентябре 1941 г., когда он после неоднократных и настойчивых просьб был направлен в Одессу.

Оборона Одессы началась 4—5 августа 1941 г. Для овладения городом-портом фашистское командование выделило всю Четвертую румынскую армию. Уже с десятого августа на рубежи, обороняемые нашей Приморской армией, полками морской пехоты и кораблями Черноморского флота, обрушились ожесточенные атаки врага. К началу сентября положение защитников осажденного города стало особенно трудным. Одесса была лишена воды, город систематически, с близких дистанций, обстреливала вражеская артиллерия, бомбили самолеты. Потери в наших войсках достигли 40 процентов личного состава, а в некоторых частях и подразделениях морской пехоты — 70—80 процентов. Особенно велики были потери в командном составе.

Но как раз в этот критический момент, по решению Ставки Верховного Главнокомандования, Одесса получила подкрепление. 16 сентября прибыли свежие части, а неделю спустя был произведен мощный комбинированный удар по врагу. «Операция внезапная и смелая началась в ночь на 22 сентября, — вспоминал впоследствии Соболев в очерках „Дорогами побед“. — Крейсера высадили десантный Третий морской полк, самолеты сбросили в тыл врага моряков-парашютистов. Первый морской полк ударил из своей знаменитой посадки под Георгиевкой во фланг немецкой батарее. Трехдневный бой моряков отбросил румын на девять километров — дистанция для Одессы огромная! — за Гильдендорф. И по улицам Одессы провозили немецкие орудия, и на стволе каждой пушки было написано: „Она стреляла по Одессе — больше не будет!“ и одесситы, как всегда бурные в чувствах, аплодисментами провожали орудия, отбитые моряками» (Л. С о б о л е в. Избранные произведения в трех томах. М., Гослитиздат, 1962, т. 3, стр. 196).

Непосредственное участие в боевых операциях, встречи с бойцами и командирами морской пехоты, вся героическая атмосфера Одесской обороны помогают Соболеву нащупать первые подступы к ведущей теме «Морской души» — теме русской матросской

славы. Еще не определились сюжетные линии и узлы одесских новелл «Соловей», «Парикмахер Леонард», «Разведчик Татьяна», «Голубой шарф», но уже состоялись встречи с морскими пехотинцами Побережником и Сурниным («Гусар»), с летчиком А. Малановым, с отважной разведчицей Анной Макушевой и другими защитниками Одессы, чьи судьбы, характеры, подвиги подскажут затем художнику образы его будущих героев.

А впереди ждали писателя-моряка снега фронтового Подмосковья, бессмертные бастионы Севастополя, встречи с защитниками Новороссийска и Кубани — все, что стало вскоре жизненной, документальной основой его зарождающейся книги.

Записные книжки Леонида Соболева времен Великой Отечественной войны — черновой, рабочий инструмент писателя. Все, что заносилось на их страницы, подвергалось затем тщательному отбору и обработке, предстая перед читателем-современником в виде рассказов «Морской души», в очерках «Дорогами побед», во фронтовых эпизодах повести «Зеленый луч». Соболев использовал далеко не всё из своих заметок. Еще и сейчас в чередовании занесенных сюда имен и фактов, в беглых зарисовках и давно забытых подробностях военного быта находит он истоки новых сюжетов и замыслов.

Всего в писательском архиве Леонида Соболева сохранилось четырнадцать записных книжек — с июня 1941 по май 1945 г. Заметки в них велись изо дня в день, с весьма небольшими перерывами. Принцип их ведения во многом напоминает корабельный вахтенный журнал: исключая обстоятельные записи бесед с фронтовиками и их рассказов, манера изложения здесь предельно лаконична; как правило, с точностью до минуты указывается время отмечаемого события, встречи, разговора. Большинство записей носит строго деловой характер. Однако наряду и вперемежку с ними на страницы книжек заносятся также и заметки личного, семейного, бытового порядка.

В настоящем издании публикуются с некоторыми сокращениями лишь те записи, которые были сделаны на фронте под Одессой (книжка № 3, с 11 сентября по 7 октября 1941 г.). Все они имеют непосредственное отношение к работе Леонида Соболева над книгой «Морская душа» и очерками «Дорогами побед», составляя часть «документальной основы» этих произведений.

Создание «Морской души» явилось важным этапом в творчестве писателя. Вышедшая в свет в ноябре 1942 г., книга эта сразу же стала одним из самых значительных событий в литературной жизни тех грозных лет. Очерки «Дорогами побед» начали публиковаться в 1944 г. Рисуя в них весеннее наступление наших войск в Крым, под Одессой, в Румынии, писатель в воспоминаниях своих вновь и вновь возвращается к первым самым тяжелым неделям войны, проходит по улицам осажденной Одессы и Севастополя, вглядывается в лица их защитников, раскрывая в делах и свершениях этих людей истоки всеародного подвига Победы.

Публикация военных заметок Л. Соболева открывает доступ во фронтовую лабораторию художника, которая, подобно «кочующей» огневой точке, переносится то на командный пункт артиллерийской батареи, то в траншеи морской пехоты, то на полевой аэродром, то на военный корабль, то на улицы и площади осажденного города. Здесь Соболев-писатель то и дело уступает место Соболеву—военному моряку. Один из наиболее красноречивых тому примеров: записи от 14 и 15 сентября 1941 г., сделанные на борту вспомогательного крейсера «Микоян», ведущего артиллерийский бой с батареями гитлеровцев. Перед нами своеобразная «стенограмма» этого боя — стремительный перечень цифр и данных, вышедших из-под опытной руки бывшего флагманского штурмана-балтийца, фиксирующего все подробности морского сражения. Непосвященному человеку трудноато разобраться сразу в этом «коде». Однако писательское зрение и здесь не изменяет Соболеву при отборе деталей и событий, давая возможность «расшифровать» и оживить запечатленную им картину: грохот орудийных залпов, белые столбы взметенной бомбами и снарядами воды, силуэты вражеских торпедоносцев, проносившихся мимо крейсера сквозь вспышки зенитных разрывов... Все это помогает многое понять в облике самого писателя, в характерах его героев, дает представление о том, как зарождалась будущая книга, ее песенный героический пафос.

НА БОРТУ ЛИДЕРА ЭСМИНЦЕВ «ТАШКЕНТ»

Справа налево: командир корабля В. Н. Ерошенко, Л. С. Соболев, ст. помощник И. И. Орловский, военком И. А. Коновалов

Фотография. Черноморский флот, февраль 1942 г.

Собрание В. Н. Ерошенко, Ленинград

12 сентября. Севастополь. 83 день войны

В 12 пошел пройтись по городу — дома закрашены, окна заляпаны. В небе разрывы, упала головка снаряда на улицу...

В 17 звонок — Соболеву не уходить, будет оказия: в Одессу идет «Микоян». В 21 — катер. Фосфорится вода. Силуэт — двухтрубная низкая посуда. Прошел к командиру: кавторанг Сергеев Сергей Михайлович, балтиец; военком — старший политрук Новиков Михаил Федорович — тоже балтиец. Уходят в 10 утра, ходу 26 часов (12 узлов!). Вчера штормовали, валяло на 42° с периодом в 4 мин. Оно и понятно: это ледокол, превращенный во вспомогательный крейсер, с артиллерией, но без тралов и антимагнитного устройства. Сергеев за чаем рассказал: 1 июля на «Быстром» выходил из бухты, у бонов взлетел. Буквально: его подкинуло до марса — шесть метров. «Летел медленно, увидел рядом марс и медленно стал опускаться, как во сне, когда летаешь...» Упал на четвереньки на прежнее место мостика, потерял сознание, но пришел в себя от сильного удара: на него упал краснофлотец на спину. «Это лучше вышло — а то миноносец шел влево на мины». Рулевой успел исполнить команду и тоже упал — ранен в голову. Все остальные на мостике убиты, кроме помощника... Миноносец загорелся — вспыхнула нефть, призатопился на камни, потом отвели в док.

Предполагал вечером, оставшись здесь... дописать «Солнцестояние»¹ и письмо домой — не вышло... Можно спать в салоне у командира. В 4 часа «Микоян» переходит на бочку: девиация, потом погрузка боезапаса. — В газете нота Болгарии. Тут, однако, чего-то будет...

13 сентября. Море, 84 день

В 7 час. сводка. Оставлен Чернигов...

Снялись в 11.40. На мостике флагманский штурман и флагарт.

Кажется, на походе будет какая-то дополнительная «петрушка» — вероятно обстрел берега.

12.20. Ход 10 (парадный), ветер два балла. Наши ястребки и МБР* в воздухе. Впереди на облаках два ПЕ (двухмоторные)**. 12.25. ПЕ отвернули на восток, ушли за облака. Палубу поливают из шлангов. Команда обедает по боевым постам. 13. В воздухе только два МБР в нашей охране. Сопровождают нас и два МО***. На баке обедают у орудий. Один у бачка сидит рядом с санитарным пол-литром — «нервы крепкие».

14.20. Пообедали. Сергеев, оказывается, «испанец», командовал миноносцем «Валенсия». Его рассказы о героях-летчиках.

Новиков сообщил о задании — как я и думал, обстрел дня три (вернее — ночи). Решил остаться здесь на операцию, послав записку Азарову (член Военного Совета ЧФ).

14.22. Самолет справа над берегом на норд-ост. Следят. 14.30. Исчез.

15.00. Справа 10° на 500 м два самолета.

15.20. Самолеты исчезли.

15.50. Траверз Евпатории. 16.05 — ушел в каюту написать выступление по радиосети. Писал с 16.30 до 18, в 18.00 открылся Тарханкут.

19.30. Говорил перед микрофоном 10 мин. Получилось.

Вышел — темнеет. Очень мало облаков. В 20.20 ушел в каюту послать до рассвета. Лег в 21.30, посмеявшись с командиром. Его рассказы об Испании, об овладении языком, о рижском бальзаме и постоянное его присловье: «понимаете, так сказать, так твою мать...»

14 сентября. Море близ Одессы. 85 день

Встал в пять, проснувшись от радио: «Начался рассвет, утроить бдительность».

Ленин на VI съезде 1918 г. о германском империализме: «Эта машина пошла дальше, чем сами германские империалисты хотели, и их раздавила. Они увязли, они оказались в положении человека, который обжрался, идя тем самым к своей гибели <...> Сначала он невероятно раздулся на три четверти Европы, разжирел, а потом он тут же лопнул, оставляя страшнейшее зловоние...»².

7.15. Одесса... Дали радио о приходе в точку, ждем катера с обстановкой и заданием. Заготовил письмо Азарову о прибытии и решении остаться на «Микояне» на обстрел.

8.10. Прибыл флагарт ВМ базы кавторанг Филиппов и флаг-связист капитан 3 ранга Баратов с задачами.

8.15 — боевая тревога.

Девять самолетов над берегом. Потом еще десять — оказались наши.

Смотрел карту обстановки — язык у Сухого Лимана. На днях наши отошли, сужая фронт. Батарея у Дофиновки бьет по городу. Задач может быть три — язык, Дофиновка и между ними.

На снарядах надписи: «Гитлеру — лично». Придумали как охмурять самолеты (дымовой пашкой).

9.45. Люстдорфская батарея ведет огонь.

11.45. Стрельба на фронте все время продолжается. От зюйд-ост до зюйд-вест появилась сплошная облачность до зенита. Над берегом — И-16 и три МИГа пошли к фронту. 11.50 — шесть самолетов из-под солнца. 11.55 — они неизвестно где. Облака разошлись, небо почти чистое. Выходим на боевой курс. 12.05 — шесть самолетов оказались над северным берегом, бросили бомбы.

* Морские ближние разведчики.

** Самолеты конструкции Петлякова.

*** См. прим. 56 к публикации «Из военных записей» А. Тарасенкова.

12.15. Вернулись наши ястребки. Два И-16 сбросили над фронтом по бомбе.

12.40. Легли на боевой курс, дали установку. Дистанция 127 кабельто-вых.

12.45. Начали пристрелочный. 12.47 — поворот на обратный курс 225°, малый ход. 12.52 — снаряд с Дофиновки, кабельтова три недолет. 12.54 — второй, то же. 12.57 — наш второй. Над нами барражируют* два И-16. 13.00 — третий снаряд с Дофиновки — ближе, но в 6 кб. Пуле-мет в воздухе. 13.02 — наш третий. 13.05 — четвертый снаряд с Дофинов-ки в 8 кб. 13.07 — поворот на обратный курс 45°. — «49». 13.28 — «жду 26». Отходим ближе к берегу. «25 жду 26»**. Легли на 45°. 13.35 — наш четвертый. «17—15—14—6 немедленно 25». С 13.30 резко усилился арт-огонь на фронте. Вышли три И-16 туда. 13.38 — наш пятый снаряд. 13.48 — торпедная атака с левого борта бреющим. 13.49 — огонь. 13.51 — торпеда прошла по левому борту (ворочали). 13.54 второй торпедоносец — говорят, вторая торпеда, я не вижу. 13.56 атака кончилась, дать главным не успели. Заметил торпедоносца с кормы Жаворонков, химист, второго — Гиндин Валентин Михайлович, командир пулеметной группы. Самолеты шли с зюйд-оста, с моря, бреющим.

14.11 — курс 45°, наш шестой снаряд. 14.20 — наш седьмой. *«Далее опущен ряд цифровых данных смены боевого курса.»*

14.37. Самолет-торпедоносец идет на нас. 14.40 — отвернул вправо, дали для страху фугасный (шел с оста, атака с зюйд-оста).

14.50. Стрельба пойдет по Болгарке***. 15.07 — залп.

Принесли обед. Штурман: «6° и 14°. Дать дистанцию. Почему одна лож-ка?» «15—20—15—50 быстро 25». 15.14 — залп фугасно-осколочными. 15.26 — залп.

А мы с военкомом обедаем (принесли вторую ложку).

15.40 — выстрел. 16.01 — выстрел.

16.40. Справа два торпедных катера на нас. Решили обстрелять. 16.43— обстреляли, они застопорили, начали давать опознавательные. А в 17.00 приняли радио: с моря три морских охотника и два торпедных катера³.

17.17. Жестокий зенитный огонь и разрывы на зюйд-весте. Полный ход, зигзаг. Самолетов не видим. 17.30 — в воздух пошли наши (И-16). Стрельбу продолжаем.

18.14 — видят самолет зюйд-ост, высота 100 м, далеко.

18.25 — перешли на поражение через 25 сек. по два фугасно-осколоч-ных.

18.37 — перешли опять на залпы. 18.38 — в городе воздушная трево-га. 18.55 — два торпедных катера ставят завесу у порта. Возле них черные разрывы.

19.03 — отбой воздушной тревоги.

19.40. Бомбардировщик прошел над нами, бросил бомбу в город. Вто-рая бомба на берегу...

19.55 — фейерверк: Ю-88 в прожекторе. Сбросил две бомбы в порту и в городе (500 кг). 20.00 — большие бомбы в городе, всего восемь бомб и потом еще две. Эффект — зарево при взрыве.

20.00. Отдых, ужин, сон.

Итоги первого дня — дали полный комплект снарядов береговой ше-стидюймовой батареи, атака торпедоносца, атака катеров, налет самоле-тов, бомбежка Одессы. Впрочем, надо спать — темное время, до рассвета

* Барраж — заграждение. Здесь — воздушное охранение.

** Запись кодовых сигналов: «49» — «меняю курс», «26» — «корректировка», «25» — «залп» и т. д.

*** Деревня под Одессой.

надо выспаться. Получили новую задачу — батарея у Фонтана и Григорьевки: в случае, если ночью запеленгуем их огонь, днем обстрел.

Несомненно, что святой Николай Мирликийский все эти годы жил на пенсии от флота и теперь помогает. Только этим можно объяснить некоторые вещи.

Выходил проветриться на ночь — темная, тихая ночь, звезды, все время бухают орудия, давая молчаливые вспышки. В 20.30 связались с Филипповым, спросили как стрельба. Ответил: «отлично». Вечером беседовали с командиром и военкомом о людях, сказал свое впечатление, как же и о «варягах» — с линкора. Настоящие люди.

15 сентября. Море близ Одессы. 86 день

Ночь прошла спокойно. Ветерок четыре балла, норд-ост, против него — даже холодно. Барражируют — два И-16. Радио: самолеты противника в воздухе. Сводка: оставлен Кременчуг. В 8.10 связались с Филипповым, уточняем задачу.

9.05 — воздушная тревога. Ю-88 и еще два над берегом у Фонтана, скинули две-три бомбы.

9.40 — атака самолетов. 9.44 — самолеты, под солнцем. В порту страшный дым... Выходим в точку стрельбы — будем бить Гильдендорф, дистанция 116 кб. Там батарея, по которой хотели дать вчера.

Комиссар рассказал, что ночью оказалось: текут котлы — шесть — из-за форсирования ходов (уклонения на бомбежке) и требования бездымности. Стал вопрос — как чеканить. Рабочий (с завода, гарантийный!) подсказал решение. Люди полезли в котел чеканить — сперва в асбесте, потом в капковых бушлатах, смоченных водой. Температура — 100°. Вместо трех суток один котел ввели в 6 утра, остальные вводят.

9.55. Начали огонь по Гильдендорфу. Над ним два Ю-88, проходят с носу под солнце. 10.08 — четвертый пристрелочный по батарее Гильдендорфа. 10.10 — залп, поражение. Корректировщик: «200 метров от батареи». 10.18 — два Ю-88 с носа, дистанция 84 кб. 10.26 — «Юнкерсы» сбросили на берег шесть-восемь бомб, повернули на нас. Возле них — разрывы. Прошли мимо в море. 11.15 — в стрельбе заминка, помеха корректировки. *⟨Далее опущены цифровые данные смены боевого курса.⟩*

11.46. С берега дали цель, просят немедленно огонь <...> Задачу выполнили хорошо. Израсходовано 12 + 31 и 30 в первую — 73 снаряда. Корректировщики — старший лейтенант Черепов, вчера старший лейтенант Терновский.

12.57 — опять просят огонь. С кормы самолет (И-16), дальше разрывы.

13.25 — дали пристрелочный по высоте у лимана. Обедали. С берега — до 16-ти огня не потребуется. Сообщил военкому, что завтра утром уйду в Одессу, просил катер. С 14-ти — был в кочегарке и в машине, смотрел чеканку котлов. Механик завел литературный разговор. Собрался читать «Индивидуальный подход», но вовремя сообразил, что это было бы бестактностью по отношению к командиру корабля. Вот ведь случай! ⁴

15.00 — воздушная тревога. 15.06 — сбросив бомбы на берег у Фонтана, три Ю-88 уходили восвояси. Над головой 3 + 3 ястреба, бой, исчезающий вдаль. До 16-ти провел беседу на палубе и в микрофон, читал «Загадки техники». 17.45 — шесть бомбардировщиков из-под солнца, оказались наши. Набрали высоту, ушли к линии фронта. Они еще были в воздухе, когда дважды, в 18.10 и в 18.20 появились два Ю-88, потом три. Прошли над берегом. Разрывов бомб не видно.

Берег просил ждать — до 17, до 18... Ждем.

Ужинали, разговоры с военкомом и инструктором политотдела до темноты. Пошли наверх, там я сыграл с мостика по трапу — думал, за дверью продольный мостик и шагнул в пустоту. Счастливо — ударился боком,

«МОРСКАЯ ДУША»

Одно из первых изданий сборника
военных очерков Л. С. Соболева.
М., изд-во «Правда», 1943

Обложка

а гудел здорово... Голос из темноты: «Это какой чудак загремел?» Я ответил: «Я». Погода портится, облака. Лег спать в 11 час., известия плохо слышно.

Около 20 час. Бомбили Одессу — три-четыре бомбы крупных.

16 сентября. Море. Одесса. 87 день

6 час.— боевая тревога, профилактическая: небо в облаках. Погода портится.

6.45 — открыли огонь по Фонтанке, дистанция — 90 кб. Около восьми перешли на поражение одиночными фугасно-осколочными. В 8.05 с берега открыто: «давайте, давайте, замечательная стрельба». 8.09 — «замечательно». 8.17 — «прекратить огонь». 8.20 — легли на ост, начали пристрелку. 8.25 — «временно прекратить». Выпустили 93 снаряда.

8.30 — новое задание — Фонтанка, левый край деревни. Дорошко откинуло воздух, он продолжал стрелять. Командир первого орудия Скибо безотказно стрелял. («Боевой листок» — артиллеристов.) Первый снаряд дало первое орудие — с надписью. Краснофлотец четвертого орудия Сосновский. 45 мм зенитного командир старший краснофлотец Зелениук бил по торпедоносцу, секретарь парторганизации БЧ-2* Гиндин увидел его. Досылатель исправил Салик. Грачев — отличный установщик. Подали в партию — Зелениук, комсомолец Скибо, комсомолец Грачев и другие (на 4-м орудии Дорошко), зарядный первого орудия Карташев и Литвиненко.

* БЧ-2 — боевая часть 2 (артиллерийское подразделение корабля).

Котлы. № 4 не был в действии 5 час., горячий. Охотники: Башко, Курбатский и комсомолец Филинский — кочегары — были в котле по 20 мин., пока терпится, чеканка и вальцовка, по 2 часа на каждого. № 8 — Стоян (из запаса), Федосеев, комсомолец Степанец, Парфентьев — освоили в котле чеканку при температуре 125°, раз по восемь лазали, сперва в асбесте, потом в капке. Дробниш — из рабочих завода, строил «Микоян», подал теперь в партию.

Машины. Старшина Мойсеев, комсомолец, хозяин кормовой, учит людей, служит шестой год. Почтальон — старший машинист, кандидат ВКП, Головань — старший машинист, комсомолец, Идрисов (татарин) — комсомолец, отлично ухаживает за вспомогательными машинами.

9.58 — начали обстрел Фонтанки — корректировщик Терновский просит немедленно бить. После первого залпа сразу: «меньше $\frac{1}{2}$, право $\frac{1}{2}$, поражение через 10 сек.» Ходил по орудиям, надписи на снарядах: «Фашистам на обед». 10.36 — продвигая залпы до силовой башни, прекратили огонь по команде с берега. Расход — 95 снарядов.

Писал статью в корабельную газету. Краснофлотец Петров (замочный орудия № 4), артист из Одесского колхозного театра, просил зайти к родным в Одессе. Рассказывал, как увозил семью из Житомира, — купил подвод и лошадей — жена, шестимесячный ребенок, бабушка, так на подводе до Полтавы, оттуда в Сталинград. Вестовой просит написать на память «стишок». — «Да я их не пишу». — «Тогда рассказ мне напишите»...

После обеда военком брал у меня сведения о стрельбе.

15.17 — на катере ОВРа* пошел в гавань. 15.34 — у входа, возле боннов, за кормой два-три снаряда — с Фонтанки.

Из порта поехал в Аркадию — штаб Морской базы. Впечатление от города: огромные дома убраны начисто, до панели, воронки на улицах, пусто, людей не видно. 17.05 — бомба на соседней улице. Шофер (азербайджанец, проживший в Одессе шесть лет) по-одесски рассказывал и показывал, разводя руками и бросая баранку: «Это разрушения? Посмотрите сюда», — а я хватался за баранку... В тот вечер, когда мы наблюдали с моря (20.00), бомба упала у остановки трамвая: три вагона с людьми, уезжавшими на ночь за город... Баррикады на перекрестках. Штаб базы в каком-то санатории, сады, маленькие домики. В 19 час. поехал к Азарову через весь город, снова картины разрушенных домов. Перед выездом встретил кавторанга Филиппова, он уже был на «Микояне». Стрельба шла по живым целям, по скоплению. «Микояна» хотят задержать здесь для продолжения.

Штаб обороны. «Метро» на 300 м и потом грандиозные подвалы (бывшие винные, в три этажа), некоторые работники газеты спрашивают, что значит «катабомба»?

У члена Военного Совета контр-адмирала Азарова установили порядок — сперва МО, катера, канлодки, береговые батареи, потом 25 и 90 дивизии. Ошибка, что только моряки, надо об армии. Потери моряков большие. Рассказывал о «танках» по идее капитана Когана⁵. Великолепная работа береговых батарей — Куколев, Шкирман, Никитенко, поехать к ним. Остался ночевать тут. Встретил Петра Гаврилова, Сашина, Соифертиса, Поневежского, Сальникова («Красный черноморец»), Ивича. Конечно, разговоры о Москве и прочем. Рядом крутят «Мы из Кронштадта». Моряки недовольны: по картине краснофлотцы ходят в бой в рост... Спал на койке у прохода, в свете, под шум проходящих с 12 до 6, и с 6.30 до 8.30. Надо перебираться в базу, здесь слишком много народу и соответственно трудно разворачиваться. Тяжелая штука — штаб...

* ОВР — см. выше прим. 50 к публикации «Из военных записей» А. Тарасенкова.

Письмо мое, посланное 14-го со связистом, Азаров получил перед моим приходом сюда. Чувствуется, что будет трудно доставать машину, организовать выезд и т. д. Работать здесь негде, да и таскать по «метро» чемодан — упаришься. Вспоминаю с тоской «Микояна».

17 сентября. Одесса. 88 день

Здесь ждут срока операции в шесть-семь дней, на это намекал и Азаров.

У контр-адмирала Жукова. Надо на 411 и 39 батареи, в 69 авиаполк (майор Шестаков). Там очень тяжелые условия: под бомбами и снарядами учат прилетающее пополнение. Полк представлен к награде. Румын здесь до 15 дивизий, 35 артиллерийских полков. Работа в самом городе — блиндированные машины, бронепоезда, подгонка минометов, пушка для бутылок, баррикадная пушка из трубы — с гвоздями и пр.

10.00. Обстановка: напор, генеральное сражение. Работа бронепоездов, наступление широким фронтом на 15 км. «Резерв» командования — всего 60 человек из команды выздоравливающих.

Беседовали с военкомом Павловым и командиром отряда (капитан 3 ранга Кузнецов), наметили с кем говорить. Сейчас все в море, завтра днем надо приехать. В 17 — тревога. Бомба (100) упала рядом, в Арбузной гавани. Здесь очень бьет осколочными снарядами, люди выходят из строя. Прежняя база получила прямое попадание бомбой, теперь вырыли в скале блиндажи. В 18 пошли обедать, снова тревога, но падало далеко. Уехал к 20 в штаб, ночевать остался там, перетащил койку в темноту. Ночью бомбили штаб, тряслось и здесь. Надо садиться за «Микояна»; 20.IX okazия, но работать трудно — негде, придется здесь, в дежурке. В газете «решение» городского совета о нормировке воды, это звучит эпически — осада...

18 сентября. Одесса. 89 день

Очень сложно распределить время, а нужен жесткий календарь. Где надо побывать? Катера, батареи, авиация, гидрография, армия. 17—18 — катера, 19—20 — батареи, 21—22 — авиация, 23 — гидрографы, 24—27 — армия. Но очевидно, что писать об этом всем не успеешь. Ясно и то, что с темнотой очень трудно перебираться. Следовательно, надо кончать к темноте поездки (если поблизости) и работать тут.

С 9 до 10.30 безуспешно доставал машину до ОВРа. Только в 11 достал дежурную (грузовик), но шофер не знает дороги. Жду его в 11.45 на базе. Воздушная тревога. Готовят к взрыву мину — одну из тех, неразорвавшихся. Ею будут подрывать ту, которая лежит в гавани. Вес зарядного отделения — 820 кг. *Далее опущены записи бесед с катерниками.*

«Малым кораблям — большое плаванье». Задачи: конвой, дозор. Штурмовые походы. За это время сбито 14 самолетов. В партию принято 39 человек.

Вечер на базе катеров. Вечерний налет. Потом в катакомбе читал «Индивидуальный подход» и «Бешеную карьеру». Очень хорошо принимали — люди отдохнули на смехе. Остался здесь нечевать. Всю ночь непрерывные налеты, бомбы в порту и в городе и пожар. Цель была — транспорт, вчера три больших («Грузия», «Днепр»...) привезли ночью войска, танки, снаряды, гаубицы и в эту ночь пришло еще три. Очень кстати — утреннее настроение в штабе. Ночью же был и артиллерийский обстрел порта.

Но материала по катерам все же маловато, надо поговорить с людьми. Нет зерна, за которое можно зацепиться. Дубок «Киров» обидели в море: был с двумя катерами ЗИС*, на него кинули шесть бомб, да в гавани у борта...

* Катера с автомобильным мотором ЗИС. Их звали «зисенки».

Вечером в 17.30 четыре Ю-88 налетели на «Микояна», два пикировали из облака, № 22 открыл огонь. Тогда и «Микоян» открыл огонь. Кинули восемь бомб, всплески закрыли «Микояна», думали — ему конец. Остальных двух отогнали <...>

19 сентября. Одесса. 90 день

Катер № 125 — лейтенант Тимошенко. При выходе 13 сентября, как заяц, бежал у бонов от снарядов.

На Дунае. 17.VI был там с контр-адмиралом Воробьевым, шторм — был вынужден остаться и влип в войну. 22.VI в 4—5 тревога, думал учебная, а с пикета обстреляли пулеметами. В 7 час. — задача: уничтожить пикет. Дал несколько залпов по пикету с дистанции 1 км. Был там месяц. Старая Килия — румынская и Переправа — выход отрезан. Там были «полтинники»*, ЗИСы, бронекатера и мой катер. Били нас минами, нельзя было проводить баржи с боезапасами. На 26.VI утром назначили десант на Старую Килию, там был румынский полк. Впереди пошли «полтинники» и ЗИСы. Встретили огнем. Потом стали бить по мне, тогда я открыл огонь, а катера пошли в берег — начали высадку... Развернулся против течения, бил с места. Но стоять было противно — свистят пули, валяются мины, так я бежал от пушки к пушке, командовал, чтобы заняться — минут 15 так. Загорелись хаты, высадили десант. «Зисики» попрыгали за меня. Взяли тут 50 пленных, трофеи, три дня возили пароходами. Начала действовать авиация, отбивались. 28-го утром — семь штук. Я замаскировал, они думали — зенитная батарея. Пикировали, но отбились. Днем налетело 15 штук, четыре пикируют с пулеметами с четырех сторон, остальные 11 бомбили. Все были на палубе, по пикировщикам били из пулеметов, а по тем, кто бомбил, — пушкой. Минут десять промучали — показались вечностью. Шрапнель кончилась, били бронебойными и трассирующими.

Вел баржу с боезапасом вверх мимо Переправы для мониторов. Когда 19—20 июля уходили в семь утра, шла всякая мелочь — штук 150. Монитор шел впереди, бил по Переправе, сообщает: «Прорывайся». Включив все три мотора, дал узлов 30. Брони нет, пришлось хитрить: когда завязался бой с монитором и с бронекатерами — кинулся рывком. Весь огонь сразу на меня, мины над головой, воздухом било. Глобин у меня замечательный рулевой, выворачивался. Катер шел с кустиками. Тут пролетела мина и тут же дали залп обеих батарей, я думал, конец. Да еще слева с Вилково наша батарея стреляет — снаряды пролетают и под носом и под кормой. Проскочил, зашел в рукав, даже шапку снял: «Ну, всё», а тут из-за Королевского леса — снаряд рядом. Ночью вел всю флотилию — у них нет компасов...

С 12 до 14 проехал в штаб армии, взял чемодан и машинку, проехал в базу. Там позавтракал и с Гавриловым поехал в 42 дивизию. Звонили Резчикову на компост, тот дал санитарку на первую батарею — старшего лейтенанта Куколева Михаила Кузьмича. В 15 приехал на батарею.

Она рядом с румынской — через лиман. Просматривается движение по дороге. Встречал комиссар Иванов, провел на компост. Там провели весь вечер, ходили по орудиям, с 19 час. началась стрельба. Корректирует Панков, который с частями НКВД держит Сухой Лиман. Били по скоплению в лощинах, несколько раз меняли цель. Батарея с 1921, еще Дзержинский здесь был. Здесь старый партизан Пешехонов, председатель колхоза Беляевка (теперь служит нач. боесклада). Различные легенды о Люстдорфе: шпионы, парашютисты, диверсанты, но это все

* Сторожевые катера серии 50.

на 80% прибавлено. Очень четкая работа Куколева и в посту — Боровиков устанавливает, дает ревун, считает полет и успевает при этом бить мух специальной резиной, а мух здесь множество. Посоветовал им формалин. Ходили смотреть ложную точку в кукурузе, были на М-4: маленький окопчик с маскировкой, четверо зенитчиков так и сидят в нем с начала войны у пулемета, по очереди ходят за обедом — и всё.

Ночевали в санпункте. Вечером бомбили Одессу — четыре взрыва, полыхающий ответ на небе.

20 сентября. Одесса. 91 день

Первая батарея.

Утром походили по батарее, поглядели хозяйство, воронки снарядов. Пошли в компост.

10.12. Кончился налет на батарею шести юнкерсов, повреждений нет. 10.14 кок принес завтрак. Куколев: «Что так скоро?» Оказалось, кок тащил завтрак под бомбежкой («чтоб не остыл»), но все же залег в кустах у КП. «Полянку не перебежать, больно строчили пулеметами».

10.22. Звонит Ишков (корректировщик, лейтенант): «В ложбинке (координаты) солдат штук полтораста». Куколев от котлеты: «Мало». Снова звонок. «Двести набралось». — «Мало, обождать». 10.30 — Ишков: «Штук триста есть». — «Шевелится? Нет? Ждать». 10.32 — Ишков: «Лезут». — «Вот это дело другое...» Идет стрельба.

10.36. Куколев телефонисту: «Спросить Ишкова, как фашисты себя ведут?» — «Беспощадно бегут». — «Куда? Может, на наших?» Обиженный голос Ишкова: «Куда же они могут еще бежать? Удирают. Ориентир такой-то, отсечем от ложбинки». Батарея стреляет беглым огнем, вахтенный у журнала философски: «Стреляли по живым целям, а теперь писать как? По мертвым?»

10.38. Ишков в восторге: «Сапоги в воздухе, а в сапогах ноги!.. Огоньку, огоньку!..»

10.40. Огневой налет на нас с Александровки. Куколев вызывает Шкирману, жалуется: «Сосед обижает». Шкирман открыл огонь. Тут же голос Ишкова: «Кончено. Вопросов больше не имею, сотни гитлеров тоже». Куколев командует «дробь»*. В КП заскочили комендоры первого орудия Сеницын, Хорошилов, Кисельман — ухитрились втроем вести огонь под снарядами. Куколев: «Почему в укрытие не уходили?» — «Да в нас не падало...» А штаны-то в дырках, и Сеницын ранен.

10.45. Куколев за завтраком. Не дают поесть. С вилкой в руке: «Орудия зарядить. Первый доложить о готовности. Первое — по четвертому реперу, $\frac{1}{4}$ больше... Выстрел!» Нацелился вилкой в котлету. Корректировщику: «Падают! Не духом падает, а снаряд. Корректировщик: «Румыны тикают». — Боровиков один на приборах.

С дальномера доклад — 12 подвод везут боезапас. 11 час. — пошли к дальномеру посмотреть. Артналет с Александровки с 11.05 до 11.10. — 15—16 снарядов и все вокруг дальномера. Сперва мы с Петей приседали на бетоне площадки, потом заскочили в щель, но там уже семеро. Корма моя осталась снаружи. Пыль рядом — осколки. Дальномерщика хлопнуло по каске. 11.12 — перешли в рубку. Один краснофлотец ранен в руку осколком. 11.20 — снова обстрел, снарядов 15, но мы уже в рубке. 411-я дала огонь по батарее у Александровки — та замолчала.

11.30 — привезли трофейные минометы, один принесли сюда. 11.40 — начали огонь по пехоте на Санджийку. 11.48 — дали два пристрелочных и два залпа батарей. Над нами самолеты. Корректировщик: «Бегут, дайте еще!» Куколев: «Пусть пулеметами погоняют...» Опять просят дать на 200 м

* Сигнал о прекращении огня.

вперед. «Ну есть... Добро. Дам еще парочку... (лениво): К бою!» 11.57 — дали два двухорудийных (на первом орудии сбило панораму осколком).

Потом пробовали миномет. Боровский: «Садись верхом — и пошел!» 12.44 — воздушная тревога. А до этого в 12.20 бомбардировщики обстреляны занитками. *⟨Далее опущена запись беседы с комиссаром батареи Виктором Ефремовичем Ивановым о боевых делах моряков-артиллеристов.⟩*

14.10 — снова начался обстрел, до 30—40 снарядов легло у казармы. Пробовал согреть руки об осколки, но жгут. 14.15 — в центральном посту. Оказывается, мы начали стрелять по пехоте, батарея Александровки открыла огонь. 14.50 — начали сами бить по ней, своими наблюдениями. Оценка — хорошо. 15.02 — прекратили огонь, дав беглым 39 снарядов. 15.15 — по пехоте. 15.30 — над нами два самолета кружат — четыре бомбардировщика хейнкель. Воздушная тревога. 15.35 — спокойно. Боровский обнаружил, что миномет его подбило осколком у двери компоста...

16.10 — выехали. 16.35 — у рогатки в воде пять всплесков бомб.

17.20 — приехали на компост дивизиона — капитан Диненбург Александр Исакович.

411-я батарея маскирована. Ее казарма была построена в форме самолета, направленного на батарею. Там ее «перевернули» и в посадке сделали ложную батарею. Дают с нее вспышки. Ее бомбят, истребители штурмуют.

Старший политрук Резчиков Петр Иванович. 14.IX очень много дала разведка Долженко. Ужин, разговоры. Фигура Ишкова, корректировщика, Шкирман (командир 39 батареи), Никитенко (командир 411-й). Вспомнили Богданова (БОС*), Бельского и т. д. История исключения Богданова из партии. О куколевской батарее. 21 час. — донесение Ишкова: перебежчик сообщил, что в 22.30 будет наступление румынской армии. С 411-й Никитенко звонил, звал приехать, обещал ему на завтра. Одессу в 20 час. опять бомбили. Ночью пришел новый караван — вся дивизия полностью. Звонил Ишков — на фронте взяли танкетку.

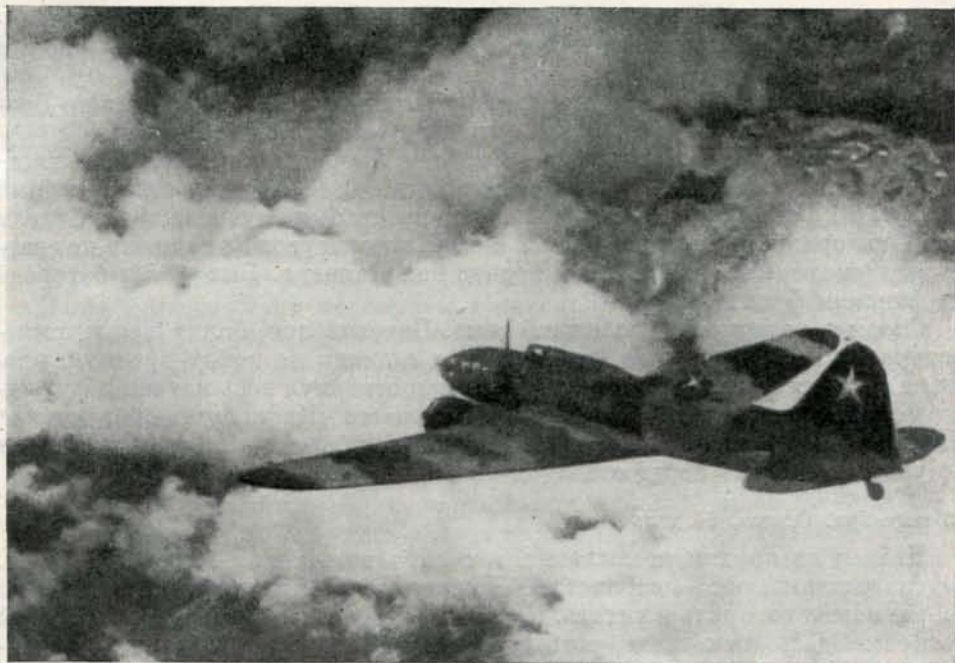
Долго беседовали с Резчиковым, остальные спали. Как он знакомился с Диненбургом (машина), как приобрел авторитет у Куколева стрельбой. Как Шкирман оборвал, когда задевали казенники при 45°. Лег спать поздно, тут же в посту.

21 сентября. Одесса. 92 день

Утром читал командирам «Индивидуальный подход». Был налет — самолетов шесть. 10.25 — очевидно, началось наступление, бьют по пехоте 1-я и 411-я.

11.15 — уехали с Резчиковым и Никитенко. Сперва Резчиков мучил нас продукцией политдонесений: «и все увидели, как в груди товарища Н. забился патристический пульс...» Потом компост — это тебе не Куколевская! Прямо — форт кронштадтский!.. Через поле пошли на батарею, пришлось полежать в траве — шли самолеты. Трава пахнет, тепло. Орудия и их маскировка. Толково. Пообедали. Помылись в душе — блаженство! Стриглись. Изменили порядок — не в 17, а в 18 час. выступление прямо на батарею, завтра — в компосту. Чудный вечер, тишина. Провел беседу на втором орудии, рассказа не читал — завтра. Спали в казарме. Ночью в Одессе большой пожар. Ночь удивительно темная, пожар странен, так все тихо. Здесь иное ощущение, хорошо, что были на 1-й, там по-боевому. Но часть воинская, подтянутая. Мы смеемся — ферма, кулацкий форт: свиньи, коровы, виноград, петухи и большие пушки. Богатство! Вечером постреляли. Здесь уже меняли внутренние стволы — вместо трех суток — 18 часов. Удивительное ощущение чистого белья.

* Береговой отряд сопровождения — первые морские пехотинцы в финской войне 1939—1940 гг.

НА БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ

Фотография А. С. Соколенко. Черноморский флот, 1941—1942 гг.

Собрание А. С. Соколенко, Ростов-на-Дону

22 сентября. Одесса. 93 день

Радио утром — об оставлении Киева.

8.30 — начали стрельбу. Пошел на батарею.

9.00. Говорил на втором орудии о Киеве — хорошо, с запалом, потом читал «Индивидуальный подход». 10.20 — на силовой станции, там Стадник Карп, 52 лет, кочегар с «Императрицы Марии»⁶. Рассказывал о взрыве: «Вынес койку, думаю: сперва помыюсь, а когда будут играть на молитву, пойду в галльон...» — взрыв был под носовыми умывальниками. Это его спасло. «Одна мина нам — ничего не поможет» (в смысле — не повредит). Четыре сына на фронте, один на «Красном Крыме», три в армии — один танкист.

Ишкову шлюют на выносной корпункт жареного поросенка с хреном в зубах...

От 13 до 14 речь о Киеве на трапе в компункте для взвода управления. Потом читал «Индивидуальный подход» и убедился, что бедствия надо бить смехом.

16.50 — читал «Две яичницы» комиссарам, в это время штурмовик налетел на точку № 2 и бил по нашей казарме. Вышел поглядеть — рядом пуля в двери. Вынул на память.

17.45 — КП дивизиона. Был налет 10 бомберов на миноносцы — «Беспощадный» и «Безупречный». У «Беспощадного» подпрыгнула корма, у «Безупречного» — бомба у борта.

18.00 — приехали с капитаном Диненбургом на батарею к Шкирману. Артисты. Смена лейнера * — не лезет. 18.30 — несколько снарядов с запада. С артистами дурак политрук — держал речь батареям:

* Внутренний ствол орудия. Меняется после известного количества выстрелов.

две цитадели на флангах фронта — Ленинград и Одесса. Это плацдарм для окружения гитлеровских армий с севера и с юга, отсюда, мол, и начнем...

Хорошая новость: ночью крейсера и эсминцы высадили десант на Григорьевку, продвинулись порядочно к северу с 3 морским полком.

Эта батарея тоже старая, здесь был еще Дзержинский. Если Никитенко — кулак, то здесь — бедняцкое хозяйство, и по орудиям тоже. Чудный комиссар 27 лет, Бурунов, очень неиспорченный и смущающийся. Сидели в КП, говорили, пили виноградный сок. Шкирман угощал песнями под гармошку («махорка-зорька»). Сам играет под Чапаева. Был с ж/д батареей на финском фронте.

Спали в казарме в абсолютной тьме. Перевязался, болит шея и температура около 38° верных. Как Шкирман садился на койку врачихи: чтобы не сесть на ее чистую постель, Шкирман отвернул весь матрац и фуражку положил на плечо. Гармонист оповещает: «Из оперы „Снегурочка“ Римского-Корсакова». Сыграл и экспромт Шуберта — то, что я слышал по радио в Москве перед отъездом на аэродром...

23 сентября. Одесса. 94 день

Лейнер из орудия не вылезает, я с горя предложил выстрелить им... С утра разламывает — заболела. Пришел в КП, пришлось лечь. Однако всё же пошел говорить и читать. Говорил о Киеве, читал «Индивидуальный подход». Здесь, как везде, есть старики — Белоус с 1915 г., был в десанте на Трапезунд. Потом долго говорили с Резчиковым за обедом, он рассказывал о ткацкой фабрике, где работал в 1915 г., о симулянте на форту и продолжал тему Фикса: это младший лейтенант на 411 батарее напился одеколоном в пулеметном гнезде, мол, сыро, холодно и страшно. Сам — типичный блатмейстер: из запаса, был зам. директора завода. Резчиков при нас на 411-й на нем «выспался». Перевели в рядовые.

Вчера около 12 Панков * попросил огня. Куколев разбил батарею и минометы на Александровке. Слушал разговор по телефону об этом и думал, что дырки на кителе пора Куколеву вертеть... **

К 16 меня совсем развезло, решил ехать на ВМ базу отболеть. Гаврилов остался со мной, съездив в штаб. Лег в 20 и плохо спал, температура. «Безупречного» увели в Севастополь. Под Тендрой бьют. Ночь прошла спокойно. Удар 3 полка (десант) очистил север до Гильдендорфа включительно. Жмут и у Дальника. Привезли «огурчики» *** для всех, настроение поднялось. В городе встречал подводы — вывозят народ на обратных транспортных. Читал газеты центральные до 19 сентября.

24 сентября. Одесса. 95 день

<...> 16 час. у нач. особого отдела Морозова — десантники.

С в и р и д о в с к и й В л а д и м и р С е м е н о в и ч: у Григорьевки высадились (не вместе), ничего не понять, каждый по-своему. Высаживались под пулеметным огнем. Услышали треск — мотоцикл. Ссадили мотоциклиста (он ехал, кричал и стрелял). По нашим стали стрелять из автоматов и минометов. Пошли дальше, уничтожали пехотинцев-румын. Я увидел склады порта, их сожгли. Потом послали в разведку на Николаевку. Там встретили семь человек во флотских шинелях — разобрались: наши. Под Чабановской пошли под минометный огонь, там оказалась пушка, но мы ее не видели. Утро. Налетели шесть бомберов, обстреляли. Но пушки мы захватили.

* Корректировщик на Сухом Лимане.

** Для ордена.

*** Снаряды (наивный телефонный код).

Совхоз Котовский — там был их штаб, стояли пушки, мы зашли туда. Пушки захватили потом наши, а мы повинымали что можно и попрятали. Тут самолеты попикировали на нас, а наших не было, было трудно, но никто не терялся. Потом вышли на ложбину, уничтожили конную разведку румын, один ушел. Наши бросились в атаку, много румын. Остановились к концу дня.

Всю ночь на 22.IX воевали, день воевали, в ночь на 23-е встретились с нашими у первого поселка — разведки опознали друг друга. Потом ихние пушки начали стрелять по нам — шестидюймовки.

При высадке с корабля дали ураганный огонь с осветительными снарядами, румыны стали подбирать монетки. Шлюпки пошли с кораблей, с 3—4 миль, у берега пришлось идти по грудь в воде. Вода холодная, но было тепло, все пошло азартно. Часть людей — добровольцы, часть — запасники.

Один батальон пошел на Григорьевку, один — на Чабановку, один — вглубь <...>. Когда уже взяли порядочно территории, отряд немцев в 70 человек на двух катерах высадился против Чабановки. Наш взвод их встретил и пошел в штыки, побили, часть взяли в плен — днем 22.IX. Сперва они залегли, потом кинулись к катерам, а те отошли. Бежали к берегу стреляли назад из-под мышки. (Здесь пришел капитан 2 ранга Пермский — командир дивизиона «Б», рассказал о налете: летали на уровне мачт, дали 240 бомб.)

3 батальон особенно здорово дрался в ночь с 22 на 23-е. Румын около 2000, заходили во фланг, батальон полсуток держал позицию. На высадке по второй партии били сильно минометы с ихних баркасов. По ним стреляли корабли — замолчали. Основное — минометный огонь, били по пулеметным точкам, не давали поднять головы.

Помогала авиация, семь самолетов пришли к нам, мы показали им ракетами — они сбросили туда бомбы, потом штурмовали и вчера у Дофиновки долбали самолетами. Всех потом отвели отдохнуть. Потери 100 человек, много легко. Командир батареи старший лейтенант Матвеевко ранен дважды, остался в строю. Санитары подбирали под огнем, ползком.

Перед высадкой на корабле объяснили задачу. Шли прямо из Севастополя сюда. Настроение хорошее, особенно когда наши части прошли вперед. По румынам били шрапнелью из зениток. Разведчик Казмир убил кавалериста, сел верхом и пошел в разведку. На опушке леса румыны — манят к себе. Он не понял — может сдаются? — подскочил на 150 м. Они стали стрелять по нему, он слетел с коня, дал из полуавтомата, убил человек пять, лошадь пошла назад, а он сам по ямкам добрался <...>

26 сентября. Одесса. 97 день

Утро в агрокомбинате «Ильичевка». Следы снарядов нашего «Микояна». Бураковое поле с убитыми румынами. Военский билет офицера — пуля в карточке.

12 час. в расположении 726 батареи. Встреча с начальником сбора оружия 1 полка: артеллектрик с «Коминтерна».

Неудачный день — только осмотр места боя, мало встреч и бесед. Отвратительный осадок от спутника: что хозяин, то и шофер. Много фальши, казенщины. Шофер блатмейстер, выкулил трофейный бинокль, маскировочную сетку, выпил, а хозяин — ничего. Тоже набрал «подарков».

Вечером Гаврилова отсылали в Севастополь в редакцию, куда вызывают всех корреспондентов, но он остался со мной.

Завтра — в армию к генералу Петрову, потом — аэродром и 3 морской полк (десантники под Григорьевкой).

27 сентября. Одесса. 98 день

Деревня Застава. Штабной домик генерала Петрова — 25-я Чапаевская дивизия.

Первый визит к старшему лейтенанту Ишкову — корректировщику 42 дивизии.

Старший радист Дробль, радист Мужецкий, наблюдатели — сержант Пономарчук, краснофлотцы Сокол и Гоголенко, связисты Дзюбенко, Василик, Шендрик. Санитар Петровский, шофер Шмастер.

За посадкой — с минимальными укрытиями. Тут же капитан Терехов — начальник штаба дивизиона. Веселые, крепкие люди. Ишков — рыжеватый, плотный. Хорошая встреча. Около 19 час. наблюдатель Пономарчук заметил три, потом шесть машин. Открыли огонь с батареи Шкирманна. Стали бить четырехорудийными. Видны все разрывы — километра полтора. Видел трех румын — наблюдателей. Около 19.40 уехали в Заставу ночевать.

Генерал-майор Петров, оказывается, из Ташкента, начальник училища, где я был на выпуске лейтенантов в 1935 г. Рассказывал отход у Брянска, бомбежки... Командует дивизией с начала августа, заново формировал дивизию. Это подлинно военный человек. О себе говорит: я не очень храбрый. Беседа его с начальником снабжения: обойти окопы, *каждого* бойца спросить, что он ел утром, и что в обед, и что вечером, записать и доложить. Телефонный звонок; на память помнит карту, командует о переходе частей. Ждут удара к вечеру. Потом врач — о лошадях — тоже пожилой. Комиссар дивизии — бригадный комиссар Степанов — посылает двух политруков на обследование кормежки людей. Лошадей хранить на повоз. Хозяйка здесь Клавдия Петровна — военфельдшер, живая, бойкая, толковая, кормит, отвечает по телефону, распоряжается... Муж — начальник ДКА * в Болграде, сын и бабушка уехали из Днепропетровска. Шофер Ситягин, охрана — Кучеренко. Гроссман, подполковник — начальник артиллерии, разговор о литературе. — Здесь ждут на завтра «петрушку» — накопление противника. Если не с утра, то с половины дня будет коли не наступление, то попытка взять гребень. Просьба в шесть утра прочистить авиацией лошину.

Сидел вдвоем с Иваном Еф. мычем. Его новеллы. К теме храбрости: он боится собак. К теме воспитания: ездит на подножке пикапа, чтоб видели, ходит нарочно в генеральской фуражке, думает появиться в полной форме.

28 сентября. Одесса. 99 день

Дальник. 40 артдивизион...

16.00 — у лейтенанта Бойко Дионисия, командир батареи, одессит, из запаса. На днях ехал на новый НП, встретил командира кавалерийской дивизии, тот показал — румыны, роты полторы-две, идут в атаку. Он помчался к себе, поднял людей, побежал на НП, открыл огонь почти прямой наводкой — за 2 км (румыны шли, взявшись под руки, стеной). Пошел туда танк, забрал пленных.

17 сентября был придан другому дивизиону близ Лилиенталья. Две батареи были без снарядов, у меня 800. Сидели в посадке, я впереди, в 300 м от румын. Я ел арбуз, вдруг из-за гребня — румыны. Открыли огонь, часть положили, другая вернулась в лошину. Потом опять волна — так волн восемь. Впереди нас была пехота, 30 человек, под вечер ушли, вынуждены были вести самооборону, продолжали стрелять. Масло закипело, краска горит, стрелял с четырех до семи с лишним, около четырех часов подряд. Пленный ефрейтор Георгий Быстрицано показал: в роте их было 170, осталось 11. Здесь нас пытались обойти.

* ДКА — Дом Красной Армии.

**КАТЕР-ОХОТНИК
ОТБИВАЕТ АТАКУ ВРАЖЕСКИХ
БОМБАРДИРОВЩИКОВ**

Фотография А. С. Соколенко.
Черноморский флот, 1941—1942 гг.

Собрание А. С. Соколенко,
Ростов-на-Дону

16 августа был в окружении, пехота близко подошла. Отстреливаясь из винтовок и пистолетов, отползали под сильным пулеметным и минометным огнем. Думал — хоть бы кто остался, чтоб рассказать. Был закинут землей дважды. Разведчик Титаренко ранен — осколок в глаз. Связисты Кукушкин и Темчук, первого здорово присыпало.

Сегодня утром подавил батарею пехотную, пока стрельбы нет.

Бойко — преподаватель марксизма-ленинизма в Индустриальном институте в Одессе. Батарея была вся из одесситов, сейчас на 80%, комсостав — весь из запаса, красноармейцы — 70% запасников. Инженер-пищевик Левин, младший лейтенант инженер-электрик Сверушев из Донбасса, один из Москвы. Наводчики Лукашевич, Бережной, быстрота и точность наводки, разведчик Олехнович, токарь из Одессы. Командиры орудий младший сержант Фадеев, красноармеец Злидер, младший сержант Терещенко — вместо запасных командиров предпочитаю их. Сам был командиром батареи два года до 1939. Учебные стрельбы тут пришлось проводить только два-три раза.

День: ездил на 40 дивизион, потом на НП. Приходил лейтенант Компанеев — гусар с усамы. Беседы с начальником ОО* и Бойко. Обратное в пикапе. По пути, 16.45 обстрел дороги, повернулись на горке.

Вечер с генерал-майором Петровым. Беседа, наградные листы. Донесение из полка: взяли в плен 60 велосипедистов. Приказал проверить. «Во всякой войне врут, а в этой — втрое». И точно: оказалось — шесть.

* ОО — Особый отдел.

29 сентября. Одесса. Сотый день

Утром с восьми начался методический обстрел штаба — через 3—5 мин. по снаряду — на дороге, в поле. В 8.30 четыре четырехмоторных бомбардировщика прошли над нами, сбросили три бомбы, но далеко, и пошли на город.

В 11 уехали с Петей от Петрова, утром он долбал снабженцев. В городе заехал по поручению с «Микояна» к дяде Петрова (артисту), передал письма. Потом штаб армии. Там встретил Чарного, тот рассказал московские новости <...>. Поехал с Гавриловым на аэродром в 69 авиаполк. Штаб, комиссар Верховец Николай Андреевич. Оттуда в 4 эскадрилью штурмовиков. Сбили транспортный самолет.

12.30. Аэродром.

Командир 4 эскадрильи старший лейтенант Елохин Аггей Андреевич, комиссар — Маланов Алексей Андреевич, старший лейтенант. Адъютант лейтенант Осечкин Петр Григорьевич. Командиры звеньев: лейтенант Королев, лейтенант Моисеенко, старший лейтенант Череватенко.

Из 16 человек первого состава осталось четыре.

Маланов недоволен корреспондентами: обязательно просят «чего-нибудь особенного». Осечкин: а вот сегодня юбилей сотый — двойной: сотый день войны и в среднем у всех по сто боевых вылетов, в основном — всё штурмовки, армия благодарит. Была «юбилейная» штурмовка — 22 сентября, три месяца войны.

Перевес в воздухе (немцев) с начала сентября. По пять-шесть вылетов в день. Надо объяснить Одессе, почему ее бомбят: взлетаем под зенитками, нас встречают до работы, часто дрались с бомбами на борту.

На разведку ходим двумя звеньями — одно охраняет (раз навалилось штук 16), горючего мало, уходили с боем, одного у нас подбили над Фридрихсдорфом, да еще зенитки. Мы тогда сбили «харрикейн-хаукер». *<Далее опущены записи боевых эпизодов, рассказанных летчиками 4 эскадрильи.>*

16.30 — звено Маланов, Королев, Моисеенко, с ними еще девять И-16 и два ИЛ, пошли на штурмовку. Вернулись 17.15, у Маланова развязался шарф, тянется до стабилизатора, начались шутки, подначка — «он тебя когда-нибудь вытянет из кабины». Я спросил, зачем у него шарф, оказывается, поддевает, чтобы не терлась шея о воротник реглана — «как в подпальнике». Рассказывают: били по колонне, «эрэсами» по самолетам на земле. Погасили зенитку пулеметами и бомбами, в посадке — фургоны, пехота, каждый выбирал, что понравится. В районе Карпово — обоз, в посадке — войска, в селе на улице — солдаты. Что-то зажгли в посадке, здорово горело. Была встреча с «мессерами», но они уклонились.

Вечером разговаривали с летчиками за чаем. Тема храбрости — поддерживали мою теорию. Шестаков: случай в шахте и в Испании — штопор. И еще: чуть не погиб, когда начал выводить из штопора «по теории».

Народ усталый, язвительный. По числу вылетов и сбитых — все они пять раз Герои Советского Союза, а представления еще идут в Москву. Взял у Шестакова весь список для Рогова.

1 октября. Одесса. 102 день

Ночевали у Резчикова (на командном пункте). Утром он рассказал об «индивидуальном подходе» в своей практике: как он отучал капитана Шкирману от мата, а сам, забывшись, рванул в тридцать три света Руденко с виноградом. И еще — о Куколеве: докладывает на КП о залпе, Резчиков передал трубку военфельдшеру Харламовской. Куколев: «Вам — поцелуй, гадам — смерть!»

Бурунов (комиссар на батарее Шкирману) пишет в донесении: «Работа комиссара. Первые залпы заставили глубоко прочувствовать ответствен-

ность такой почетной работы как комиссар. Ибо кончилось то, что в некоторых случаях заместительства, заниматься только политической работой. И я понес полную ответственность за весь период боя. 24 августа орудие № 3 при стрельбе по суше при больших углах возвышения — 45° — задевало казенной частью за бетон основания, что могло привести к выводу из строя орудия. Мне этот случай стал известен после шестого залпа, и я только тогда удосужился сказать об этом командиру, но я, комиссар, нерешительно принял меры, потому что от меня только требовалось скомандовать „дробь“, но этого не последовало. Последствия были ясны.

«Особенно обращаю внимание на материальные запросы краснофлотцев — обмундирование, обувь и т. д. Краснофлотец Маршалов — пулеметчик отличный, был подавлен в недовольство через худые ботинки, после выдачи новых Маршалов стал настолько жизнерадостным — всегда веселый и в работе показывает хорошие результаты».

Резчиков об этом документе: пусть остальные комиссары прочитают — себя и других, как в зеркале.

2 октября. Одесса. 103 день

Беседа с Гордеем ⁷. Одессу оставляют. Видимо, числа 12—15. Опасность Севастополю, возможен удар на Перекоп. Войска полегоньку переведут в Крым. Я спросил: «Зачем ты мне это сказал?» — «Ты писатель, тебе надо знать». — «А что я буду говорить матросам, артиллеристам?» — «То же, что говорил. Одесса — крепость, потом увидишь, какую роль сыграла. Оставайся, я скажу когда». Мрак в душе и отчаянье. Все потемнело...

Скверно, что не поговоришь ни с кем, даже с Петей, а он смотрит на меня, как на бога: всё знаю. Не могу видеть на улице людей. Решил поехать к Осипову, там матросская слава.

Видел Колобанова, Воронина, Азарова, Бондаренко. Эти — ни звука. Поехал с Бельским в 1 морской полк.

Встреча с Осиповым. Бельский с комиссаром полка Дементьевым уехал на комсомольское собрание. Дементьев — трюмный «Октябрьской революции» 1927 г., выходит — плавали вместе. Осипов Яков Иванович плавал на «Рюрике», «Гангуте», потом был в гражданской с 1 матросским полком, затем Тихий океан — командиром порта. И здесь был командиром порта, пока не получил задание сформировать 1 морской полк.

Провез меня по расположению полка. Гильдендорф, воронки снарядов нашего «Микояна», разрушенные дома — весь порядок улицы. Румынское кладбище, голубой крест при входе с надписью «Heroi Romani» — могил 60 — 80. Внутренности домиков. Голодные кошки. Минные поля, укрепления. Трупы солдат, уже порченые — жарко.

Потом поехали на посадку у агрокомбината Ильичевка, где моряки сидели две недели впереди 2 батальона — того, за железнодорожным полотном. Ни одного прутика, ни одного листочка без дырки, без ссадины: пулеметы и мины. Отсюда и началось наступление с десантом, хотя посадка казалась окруженной.

Как Осипов учит запасников: ждать румын до 500 метров, «пока не увидишь — брился он нынче или нет». Как объясняет, что такое окружение: «не все ли равно, где их бить — сзади, сбоку или спереди». Его голос: глуховатый, спокойный, негромкий. Его машина — стекла в дырках, пробит кузов, в ней на заднем сиденье убит уполномоченный ОО. Румынских офицеров знает по фамилии: «Петреску — он под судом за бой 22 сентября».

Укрытия у железнодорожного полотна. Как возили воду: сперва убило лошадь, водовоз достал другую, тогда перешибло постромки, он пожаловался Осипову. Насыщенность трофейными пулеметами — 60 на

роту, да еще не все показывают командиры, зажимают. Сапожная мастерская и высокая норма: «уж кто трус, 80 пар в сутки будет ремонтировать, только бы не в окоп».

В посадке — второй батальон, майор Жук. В ящиках от снарядов с надписью: «Voina» — кролики, куры. Их ловят в кукурузе, одичали. Кукуруза срезана — просматривать, а стерня — как ловушка. При атаках в окопах шёпотом: «не стрелять, обожди», — потом косят. Убитых солдат не дают подбирать «для морали»: пленные свежей части говорили — шли с азартом, а когда увидели горы убитых, мораль упала. Отработка на ночные действия. Кинжалы (хороши из напильников, хвалят трофейные).

Весь день сегодня у Дальника шла непрерывная стрельба — там шло наше наступление. К ночи продвинулись на полтора километра. Вернулся на базу 0.30. Батурин мрачен, Петя не уехал, спит. Оказалось — дошло известие (Гордея)...

3 октября. Одесса. 104 день

Утром пошли неприятности по этому поводу: неизвестно, что делать. Был у Оленева — на столе бумага (о том же...). Перчаток не достал. Поехал с Коганом (изобретатель танка НИ — «на испуг») в штаб. Он за месяц сделал их из грузовиков 47 штук. До отъезда на базу приезжал Гордей, узнал от него результат вчерашнего наступления, решил ехать к Петрову.

В 14.00 были в Заставе. Их вчера порядком обстреляли, разрывы у ворот. Иван Ефимович уезжает в Одессу, видимо, принимать командование (Софронов заболел — сердце).

Пошли к Жеглову — трофеи вплоть до противотанковой пушки. Эпизод с батареями: семерых румын из прислуги заставили стрелять по своим. Привели пленных. Сублокотененто*, сержант, капрал. Говорил с «суб» — он из резерва, 26 лет, показал портрет отца. «Если б мы верили, что Одессу оставят нам, дрались бы иначе, а так — все равно заберет себе Гитлер. Война кончится нескоро...» В 17.30 уехали.

Корреспонденты уходят на катерах, Гаврилов с ними. Н. везет трофейный карабин, поругался с ним за это — герой! Пока остаюсь здесь. Вечер — сперва с начальником ОО Севастополя и Бондаренко, потом за столом — все. Колобанов рассказывал о морях-разведчиках. Остроты — чистят штык, «а то у фрица может заражение крови получиться». Ходят вброд через лиман. Комсомолец Поляков (вор до 1940 г.) представлен к награде. Это он пускал из окопа змеев с листовками. «Трохвейная сестра». <...>

5 октября. Одесса. 106 день

У л ь я н о в к а. У р а з в е д ч и к о в.

Просят дать им ракетницы — ослеплять пулеметчиков.

Группа Ковалева бродит по тылам, ее ищут партизаны. Проход — по косе, на животе по воде.

Пленный — увидел матросов, и только козыряет.

Тельняшку жалко снимать.

Побережники — добровольцем с крейсера «Червона Украина», Рулев — боцман с «Красного Кавказа» — оба ранены и отправлены. В госпитале Борис Смирнов с «Красного Кавказа», Кондратенко Федор из учебного отряда.

О Побережнике. С Зайцевым (с батареей) впятером за языком — переждать ночь, высмотреть батареи. Ночью Побережника, Рулев, Одрин

* Младший лейтенант (руж.)

КОРАБЛИ В БОЕВОМ ПОХОДЕ

Фотография А. С. Соколенко. Черноморский флот, 1941—1942 гг.

Собрание А. С. Соколенко, Ростов-на-Дону

в 23 час. пошли к румынам. Зайцев, Сапожников Григорий (штаб ВМС) — после 20.00 поддержать огнем для отхода.

К выходу (румыны) обнаружили разведку и раньше своего наступления открыли огонь. Те подошли к домику, часовой обстрелял. Они гранатами. И тогда ураганный огонь, и бьют по отдельным людям. В 3 часа прибыл Побережнийк — в левую руку разрывной пулей при отходе, через полчаса Одрин принес Рулева — раздроблена коленка разрывной. Результат — сорвали румынам наступление. После этого и произошла наша контратака 2 октября. <...>

Аня Макушева, рожд. 1919 г. из Маяков, с Беляевки, Пожениан Григорий из флотского полуэкипажа Николаева. Были в десантном отряде, она пошла вместе с нами проводником из НКВД. Ходила с нами в атаку. Шли по нашему минному полю, попали к скале, склон 65° и там пулеметы. Выход один — брать скалу, высота метров 80. Подошли с разными криками, разогнались и взбежали. Взяли пулеметы, велосипеды. Анна бежит с наганом, спотыкается. Как забрались — сами не поверили. А вот как обратно?

Живем наоборот по Маяковскому — спим день, а ночь совершаем поступки⁸.

«Черные комиссары».

Человек 50—60 из отряда тренировались на воздушный десант. Сидели в бомбоубежище, ждали, терпенья нет. Нас — 18. Полковник Вaleyко спросил — хотите в дивизию? Договорились, чтоб коллективом. Шура — пошла с партизанами. Белюков Георгий Лукьянович из Объединенной школы, кок Пожениан, Ермаков (с миноносцев), Аня, Бодров, Григорий Сильвестр с «Парижской коммуны», Сурнин Михаил с «Фрунзе», Кудряшов Николай Николаевич со штаба ВВС, Олег Безбородко — убит, его вынесли сюда.

Первая операция 22 августа. Разбудили часть ребят — проверить штаб. Ермаков, Бодров, Белюков — три сидели в окопах. Бодрову полковник поручил прорваться с отделением через фронт. Задача — достать языка, не ниже капитана, узнать, где штаб. Разделили на две партии Бодрова и Безбородко, сойтись потом. Переводчика потеряли, пошли без проводника, вернулись через день-два на задачу. Капитан подвыпил, командует «вперед», — мы его отправили на губу.

Еще поход. Солома, Побережняк, Рулев, Одрин — пошло пять человек. Побережняк разбил на две группы. Мы пошли втроем. Задача — пройти в тыл, уничтожить две разведочные пулеметные точки, захватить языка. Пошли на ночь. Как потом выяснилось, на 2.00 было назначено их наступление. Мы подошли в 1.45, они настороже. Бросили гранаты в окоп. Побережняк снял часового. Стреляли артогнем обе стороны: наши знали о наступлении в 2.00, а те думали — наши наступают. Мы оказались в мертвом пространстве. Пошли к домику, знали, что там снайпера: днем открывались двери. Подскочили к погребу, забросали гранатами (вообще берем по 8—13 гранат). Тогда и ранило Побережняка — снайпер, была луна.

Свист — собирать на шлюпку (Сурнин, «гусар», усы).

Урбанский: у Ильичевки пошли в наступление, ушли вперед вдвоем с пехотинцем. Давай сядем, подождем, а он говорит — назад. Там пулемет — в 600 м. Тот пополз, убило в шею. Я пополз через бураки к нашим, всю ночь. Лежал, думаю — наши, поднялся, кричу — «за мной, вперед!» Пулеметчики растерялись. Офицер с белой повязкой командует. Очередь, я лег, пуля в рукав. «Я был до того самоуверен, что выйду». Лег, закурил, думаю: побегу на посадку. Там слышу — бьет пулемет. А у меня одна граната, винтовку подбило. Пить хотелось, ем бураки. Ползу — три румына. Отвернулись — я переполз. Они отошли, я рванул во весь рост — «братцы, кто? свой?» Оказалось эти три — наши, в румынских плащ-палатках.

«Гусар» Сурнин: село Красное Юхимово, рядом Франценфельдт — румыны. Я был в третьем взводе — самый веселый взвод, «аспиранты» (набрали из противоипритных пакетов спирту). Сидели в двухстах метрах от передовых румынских. Из Франценфельдта ходили бараны, посылали с ними из словаря ругательства. Раз сделали шашлык, костер в 200 м от них. Когда привезли манную крупу — не ели. В Одессе разгоняли очередь за пивом звуком мины (показывает, и верно, здорово). Побережняк* — 45-й номер ботинок, для него шил Военный Совет специально. Кинжалы любим, а то штыки ржавые, фашисты могут заражение крови получить (сравни. Колобанова).

Вечер поспал в предвиденье похода. За ужином приехал И. Е. Петров — он теперь вместо Софронова, который по болезни сердца уезжает.

В 23.30 поехали в порт.

6 октября. Одесса — Севастополь. 107 день

СК-71**, командир младший лейтенант Мысов. Лунная ночь. Идет Левченко, Колобанов в морской форме, Бондаренко, Бельский, Жуковский. Везем больного Софронова.

Сидели с Гордеем на корме, беседовали, глядя на бурун. Рассказывал о Николаеве. Проблема Одессы — объяснил полностью. В Крыму командует генерал-полковник Кузнецов (балтийский? 8 армия?). Гордей был на Перекопе — вопрос, где отсиживаться. КП за 120 км. Одесса подчинена Крыму, откуда все последствия.

В 2.00 — рядом у Тендры торчат на луне трубы «Фрунзе».

* В книге вице-адмирала И. И. Азарова это — Урбанский. (Прим. Л. С. Соболева.)

** СК — сторожевой катер.

Когда прощался по телефону с Диненбургом, тот сказал: «не только капает — льет...» Его обстреливают. Ночью у Панкова (у Сухого Лимана) порезали до 40 человек — прорвались две роты. Пошло туда 14 танков, и батареи дали, но положение серьезное.

5.10 — точно по расписанию — Ак-Мечеть. Позавтракали. Парикмахер Поляков из Киева с джазовыми песенками во время бритья.

Выехали на шестицилиндровой новой М-12 в 7.30. 10.45 — Симферополь, все в штаб, я остался в машине, написал письмо домой, чтобы отправить с Колобановым. В 14.15 — Севастополь, ФКП *. Встретил Шатского⁹, решил остановиться на базе подплава у него. В 20.00 был в редакции, тревога, но сперва стрельба. Вечер у Шатского, решили завтра собрать команды двух лодок для беседы.

7 октября. Севастополь. 108 день

Вчера в гостинице кто-то из корреспондентов рассказывал, что в поезде из Новороссийска балтийцы говорили: «Вишневский шел из Таллина на СК, а Соболев на „Веронии“, она наскочила на мину, погиб контр-адмирал Пантелеев и Соболев». Не иначе, долго буду жить.

Мерзну очень. День холодный, норд, у меня нет шинели. От холода или от неразберихи никак не могу сесть за стол.

Вечером читал на Л-23 и Л-24 «Индивидуальный подход», «Загадки техники». Дошло замечательно. Рассказывал Одессу. 20.45 — тревога, вышли поглядеть. Тучи, ветер, дождь, снаряды рвутся за облаками, вспыхивая заревом.

Дальнейшее продолжает быть неизвестным. Займусь лодками

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Ночь летнего солнцестояния», рассказ Л. Соболева — первый из созданных им на материале Великой Отечественной войны.

² В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 158—160.

³ Здесь идет речь об одной из тех оплошностей, которые так часто допускались в первые месяцы войны. Корабли, обстрелянные «Микояном», были нашими, они шли на подкрепление в Одессу. Служба связи запоздала предупредить об их подходе, и дело едва не кончилось бедой. Именно этот эпизод имеет в виду, в первую очередь, Л. Соболев, завершая запись от 14 сентября невеселой шуткой насчет Николая Мирликийского.

⁴ В юмористическом рассказе Соболева «Индивидуальный подход» повествуется о том, как комиссар корабля «излечивает» старика-боцмана от привычки к «сверхкрепким» морским выражениям. Такая же привычка была свойственна и командиру «Микояна» (см. запись от 13 сентября).

⁵ См. запись от 3 октября.

⁶ «Императрица Мария» — линейный корабль Черноморского флота, погибший от взрыва артиллерийских погребов в 1916 г. в Севастопольской бухте.

⁷ Гордей Иванович *Левченко* — в 1941 г. вице-адмирал, заместитель наркома ВМФ.

⁸ Имеются в виду слова из поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин».

⁹ Владимир *Шатский* — в 1941 г. капитан-лейтенант, командир подводной лодки Л-23. Был знаком с писателем еще с 1936 г., со времени первого посещения Соболевым Севастополя.

* Флагманский командный пункт.